

Я гордо снялъ вѣнецъ терновый, и гниль
 Я все бывшее бросилъ въ прахъ;
 Мой рай, мой адъ въ твоихъ очахъ!
 Я проклялъ прошлую безпечность;
 Съ тобою розно—мѣръ и вѣчность
 Пустыя, звучныя слова,
 Прекрасный храмъ безъ божества
 Люблю тебя не здѣшней страстью,
 Какъ полюбить не можешь ты,—
 Всѣмъ упоенъ, всю властью нивы,
 Безсмертной мысли и мечты,
 Люблю блаженствомъ и страданьемъ,
 Надеждою, воспоминаньемъ,
 Всей роскошью души моею.
 О не страшись, но пожалѣй!
 Толпу духовъ моихъ служебныхъ
 Я приведу къ твоимъ стопамъ,
 Прислужницъ чудныхъ и волшебныхъ
 Тебѣ, красавица, я дамъ,
 И для тебя съ звѣзды восточной
 Сниму вѣнецъ изъ золотой,
 Возьму съ цвѣтовъ росы полночной,
 Его усыплю той росой;

Лучемъ румянаго заката
 Твой станъ, какъ лентой, обвою
 И яркій перстень изъ агата
 Надѣну на руку твою;
 Всечасно дивною игрою
 Твой слухъ лелѣять буду я,
 Чертоги свѣтлыя построю
 Изъ бирюзы и янтаря.
 Я опущусь на дно морское,
 Я полечу за облака,
 Я дамъ тебѣ все, всеземное—
 Люби меня!

И онъ слегка по
 Прижался страстными устами
 Къ ея пылающимъ устамъ;
 Тоской, угрозами, слезами
 Онъ отвѣчалъ ей мольбамъ;
 Она противилась не смѣла,
 Слабѣла, таяла, горѣла
 Отъ неизвѣстнаго огня,
 Какъ бѣлый воскъ отъ взоровъ дня.
 Въ то время сторожъ полуночный
 Одинъ вокругъ стѣны крутой,
 Когда ударилъ часъ урочный,
 Бродилъ съ чугуною доской.

Но возлѣ кельи дѣвы юной
 Онъ шагъ свой мѣрный укротилъ,
 И руку надъ доской чугуною
 Смутясь душой, остановилъ.
 И сквозь окрестное молчанье
 Ему казалось, слышалъ онъ
 Двухъ устъ согласное лобзанье,
 Невнятный крикъ и слабый стонъ.
 И нечестивое сомнѣнье
 Прокралось въ душу старика—
 «То не отшельницы моленіе!»
 Подумалъ онъ;—и до замка

Уже коснулся. Тихо снова
 Ни словъ, ни шуму не слышать.
 Канонъ угодника святого
 Спѣшить онъ въ страхѣ прочесть;
 Крестить дрожжащими перстами
 Мечтой заволоченную грудь
 И молча, скорыми шагами,
 Свой прежній продолжаетъ путь.

За часъ до солнечнаго вехода
 Еще высокій берегъ спалъ;
 Вдругъ зашумѣла непогода
 И океанъ забушевалъ;
 И вмѣстѣ съ бурей и громами,
 Какъ умирающаго стонъ,
 Раздался глухо надъ волнами
 Зловѣщій колокола звонъ.
 Не для молитвы призывали
 Святыхъ монахинь въ тихій храмъ,
 Не двумъ счастливымъ женихамъ
 Свѣчи дрожащія пылали:
 Въ срединѣ церкви гробъ стоялъ,
 Досками черными обитый.
 И въ томъ гробу мертвецъ лежалъ,
 Холоднымъ саваномъ обвитый.
 Зачѣмъ не слышенъ гласъ родныхъ
 И не выдатъ во храмъ ихъ?
 И кто мертвецъ?—Едва примѣтный
 Остатокъ прежней красоты
 Являютъ блѣдныя черты;
 Уста закрытыя безмолвны,
 И въ сердцѣ пылкой страсти ядъ
 Сія глаза не посылаютъ.
 Хотя еще весьма недавно
 Владѣли пылкою душой,
 Незыблемой, своенравной,
 Въ борьбѣ безумной и неравной,
 Незнавшей власти надъ собой.
 И вѣтъ тебя, младая дѣва!
 Какъ знакъ потопленныхъ полей,
 Добыча ревности и гнѣва,
 Ты вдругъ увяла въ цвѣтѣхъ дней.
 Напрасно будетъ солнце юга
 Играть привѣтно надъ тобой,
 Напрасно будутъ дождь и выюга
 Ревѣтъ надъ плитой гробовой;
 Лобзанье юноши живою
 Твои уста не разожметъ.
 Земля взяла свое земное—
 Она назадъ не отдаетъ.

Съ тѣхъ поръ промчалось много лѣтъ;
 Пустѣла древняя обитель,
 И время, вѣчный разрушитель,
 Смывало постепенно слѣды
 Высокихъ стѣнъ. И храмъ священный,
 Добыча бури и дождей,
 Сталъ молчаливъ, какъ мавзолей,
 Умершихъ памятникъ надменный.
 Изъ двери въ дверь во мглы ночей
 Блуждаетъ вѣтръ освобожденный,